

蒲松齡

ЛИСА НАКАЗЫВАЕТ ЗА БЛУД

Студент купил себе новый дом и стал постоянно страдать от лисицы. Все его носильные вещи были во многих частях приведены в негодность. Часто также она бросала ему в суп или хлеб всякую грязь и гадость. Однажды к нему зашел его друг, а его как раз не было дома: куда-то ушел, а к вечеру так и не вернулся. Жена студента кое-что приготовила и накормила гостя, после чего вместе со служанкой доедала оставшиеся от гостя хлебцы.

Студент отличался несдержанным характером и охотно пользовался любовным зельем. Неизвестно, когда это случилось, но лиса положила этого зелья в похлебку, и жена студента, поев ее, ощутила запах мускуса. Спросила служанку, но та отвечала, что ничего не знает. Кончив ужин, женщина почувствовала, как в ней вздымается горячий огонь плотского возбуждения, и такой, что нет сил терпеть ни минуты. Хотела силой заставить себя подавить страсть, но распаленный аппетит от этого стал еще сильнее и настойчивее. Стала думать, к кому бы бежать сейчас, но в доме не было мужчин, кроме гостя. Она пошла и постучала к нему в комнату. Гость спросил, кто там. Она сказала. Спросил ее, что ей надо. Не отвечала. Гость извинился и стал отказываться:

— У меня с твоим мужем дружба по душе и совести. Я не посмею совершить этого скотского поступка.

Женщина все-таки бродила вокруг да около, не уходя прочь. Гость закричал ей:

— Послушай, ты погубила вконец теперь моего друга и брата, со всей его ученой карьерой и репутацией!

Открыл окно и плюнул в нее.

Страшно сконфузясь, женщина ушла и стала раздумывать: как все это я наделала? И вдруг вспомнила про этот странный запах из чашки: уж не было ли там любовного порошку? Посмотрела хорошенько — действительно: порошок из коробки был там и здесь просыпан по полке, а в чашке это самое и было. По опыту зная, что холодной водой можно успокоить аппетит, она напилась воды, и под сердцем у нее сейчас же прочистилось и прояснилось. Ей стало мучительно стыдно, и она ничем не могла себя извинить. Ворочалась, ворочалась на постели... Уж все ночные стражи окончились. Стало еще страшнее: вот уже рассветает, а как показаться теперь человеку? И вот сняла пояс и удавилась. Служанка, заметив это, бросилась спасать ее, но дух ее уже слабел и замирал; прошло все утро, прежде чем у нее появилось легкое дыхание.

Гость ночью, оказывается, ушел. Студент же пришел лишь после обеда. Смотрит: жена лежит. Спросил, в чем дело. Не отвечает, а только в глазах стоят чистые слезы. Служанка тогда все рассказала, как было. Студент страшно испугался, пристал с расспросами. Жена выслала служанку и выложила ему все по правде.

— Это мне месть за блудливость, — вздохнул он. — Какая тут может быть на тебе вина? К счастью моему, попался такой честный и хороший друг. Иначе как мне было бы жить по-человечески?

С этой поры студент ревностно занялся исправлением своего бывшего поведения. А затем и лисица перестала куролесить.

ЛИСИЦА В ФЭНЬЧЖОУ

У фэньчжоуского судьи Чжу в жилых комнатах и даже в кабинете было много лисиц. Как-то раз сидит он ночью и видит, что некая женщина ходит у свечи взад и вперед. Сначала он думал, что это жена какого-нибудь из слуг, и потому не удосуживался посмотреть на нее, но когда поднял глаза, то оказалось, что он вовсе ее не знает. Однако лицом она была красоты поразительной, и хотя Чжу понимал, что это лисица, но она ему понравилась, и он сейчас же крикнул ей, чтобы подошла. Женщина приостановилась и сказала, улыбаясь:

— Кто это тебе тут служанка, что ты таким резким голосом обращаешься к человеку?

Чжу засмеялся, встал, взял ее за руку, посадил и стал извиняться. Потом прижался к ней любовно и плотно...

И так они долго жили как муж и жена. Как-то неожиданно лиса вдруг говорит Чжу:

— Тебя, знаешь, скоро повысят в должности, и уже наступает день нашей разлуки.

Он спросил ее: когда же? Она ответила, что это — вот, на носу. Только будет так, что в то время, как поздравляющие будут в его воротах, соболезнующие горю будут у него на родине, и в новой должности быть ему уж не придется.

Через три дня действительно пришло известие о повышении в должности, а на следующий день он

получил пакет с извещением о смерти матери. Чжу сложил с себя должность и хотел вернуться домой вместе с лисой, но та не сочла это возможным. Проводила его до реки. Он силой потащил ее в лодку, но она сказала ему:

— Ты, конечно, не знаешь, что лисица не может перейти реку.

Чжу не мог вынести разлуки и любовничал с ней на берегу. Лиса вдруг ушла, сказав, что идет повидать свою приятельницу, и через некоторое время вернулась. Тут как раз пришел гость отдать визит, и женщина говорила с ним в отдельной комнате. Когда же гость ушел, она вышла к Чжу и стала проситься сейчас же в лодку.

— Я тебя провожу через реку, — сказала она.

— Ты ведь только что говорила, что не можешь переехать реку, как же теперь говоришь другое? — удивлялся Чжу.

— Гость, который сейчас приходил, — отвечала лиса, — не кто иной, как бог реки. Я для тебя просила у него особого разрешения, и он дал мне срок в десять дней на путь туда и обратно. Значит, на это время я еще побуду возле тебя.

Перебрались вместе. Через десять дней лиса действительно простилась и ушла.

КАК ОН ХВАТАЛ ЛИСУ И СТРЕЛЯЛ В ЧЕРТА

Ли Чжу-мин был человек храбрый, открытый, не знавший неудовлетворенности и не пятившийся назад. Он был сводным братом Ван Цзи-ляна, у которого дом состоял из множества зданий, где постоянно видели разную чертовщину. Ли часто летом там жил, ему нравилось сидеть на вышке, когда наступала вечерняя прохлада. Ему говорили о причудах чертовщины, но он смеялся и не слушал, и даже наоборот — велел там поставить себе кровать. Хозяин дома исполнил его просьбу, но велел слугам спать вместе с барином. Тот отстранил это, сказав, что любит спать один и что всю жизнь не понимал, что такое вообще необыкновенное явление. Хозяин велел раздуть в жаровне потухшие курильные свечи, спросил, как ему постлать поудобнее постель, затем задул свечу, прикрыл дверь и вышел.

Ли лег на подушку. Через некоторое время он видит вдруг в лунном свете, что чайная чашка на столе то опрокидывается, то встает боком, то вертится и кружится, причем не падает, но и не перестает двигаться. Ли прикрикнул, и сейчас же возня прекратилась. Потом как будто кто-то взял курильную свечу и стал светить, помахивая ею в воздухе то туда, то сюда и образуя фигурные нити. Ли вскочил и закричал:

— Что за тварь, черт или дьявол, смеет тут быть?

Голый, он слез с кровати, желая сейчас же поймать беса. Стал ногой шарить под кроватью, ища туфли, но нашел только одну. Некогда было дальше искать впотьмах, и вот он босой ногой хватил по тому месту, где было мелькание, и свечка сейчас же воткнулась в жаровню — стало тихо и спокойно.

Ли нагнулся и стал шарить повсюду, во всех темных углах...

Вдруг какая-то вещь прыгнула и ударила его по щеке, и ему почудилось, что это как будто туфля. Припал к полу, стал искать — нет ее, так и не нашел. Открыл дверь, спустился вниз, крикнул слугу, велел зажечь огонь и осветить... Пусто... И опять лег спать.

Наутро велел нескольким слугам искать туфлю. Перевернули матрацы, опрокинули кровать — неизвестно, где туфля. Хозяин дал ему взамен потерянной туфли другую. Через день-два он как-то случайно поднял голову вверх и увидел туфлю, засунутую в балки; достали ее оттуда, оказывается, это его туфля и есть.

Ли сам был из Иду, но снимал квартиру в доме некоего Суня в Цзя. Дом был огромный, просторный, все помещения были свободны, и Ли занимал только половину их. Южный двор примыкал к высокому дому, отделяясь от него всего одной стеной. По временам было видно, как в этом доме двери сами собой то открываются, то закрываются. Ли не обращал на это внимания.

Как-то раз он разговаривал со своими во дворе. Вдруг появился какой-то человек и уселся лицом к северу. Ростом он был весь фута три. Одет был в зеленый халат и белые чулки. Все тут бывшие стали смотреть на него, указывая пальцами, но тот не шевелился.

— Это лисица, — сказал Ли, быстро схватил лук и стрелу, нацелил и хотел стрелять, но карлик, увидев это, охнул, словно дразня его, и стал невидим. Ли схватил нож, полез наверх, бранясь и ища, — но так-таки ничего и не увидел. Вернулся. Чертовщина после этого прекратилась, и Ли прожил здесь еще несколько лет: все было, как следует быть — без неприятностей.

Старший сын его Ю-сань мой свояк. Все это он видел собственными глазами.

Послесловие рассказчика

Поздно, знаете, я родился. Не удалось самому послужить господину Ли. Но, послушать стариков, это, вероятно, был крупный человек, с большим темпераментом и решительный, что, впрочем, можно видеть хотя бы из этих двух его приключений. Раз есть в человеке живой и сильный дух, то черт там или лис — что они могут с ним поделать?

ФЕЯ ЛОТОСА

Цзун Сян-жо из Хучжоу где-то служил. Однажды осенним днем он осматривал поля и заметил в густоте хлебов необыкновенно сильное движение и колебание. Недоумевая, что бы это могло быть, он пошел прямо через межи поглядеть — оказывается, мужчина с женщиной совершают внебрачное соитие. Он расхохотался и уже хотел идти назад, но, увидев, что мужчина, весь красный, завязал кушак и опрометью бросился бежать, а женщина тоже поднялась с земли, он стал ее пристально рассматривать и нашел, что она изящна, мила, очаровательна, понравилась ему очень... Захотелось тут же с ней свиться, но, по правде говоря, застыдился этой гнусной пакости и стал подходить к женщине понемножку, смахивая с нее пыль.

— Ну что, — сказал он, — эта, как говорится, прогулка «Среди тутов» ничего, приятна?

Дева смеялась и молчала. Цзун подошел к ней, стал расстегивать ей платье: тело у нее было жирное и гладкое, как помада. И давай гладить по телу вверх и вниз — этак несколько раз.

— Ты, студент вонючий... Чего хочешь, так бери... А щупать меня, как оголтелый, это зачем?

Стал спрашивать, как ее зовут.

— Весенний ветерок раз дунет нам страстью, — отвечала она, — и ты направо, я налево. Зачем давать себе труд допрашивать и доискиваться? Ты уж не соби-

раешься ли сохранить мое имя, чтобы написать его на арке, которую ты построишь в честь моей добродетели?

— В пустом поле, среди трав и растений это делают только деревенские пастухи и свиные подпаски, — возражал Цзун. — Я не имею этой привычки. С такой красавицей, как ты, милая, я условлюсь просто с глазу на глаз — и это будет вполне серьезно. К чему бы мне быть таким, как ты говоришь, назойливым и мелочным?

Дева, услыша эти слова, с величайшим удовольствием согласилась и похвалила его. Цзун сказал, что его скромный кабинет отсюда недалеко и что он приглашает ее побывать у него.

— Я уже давно из дому, — сказала дева, — боюсь, как бы дома не подумали чего. В полночь можно будет.

Спросила, где и как расположен дом Цзуна, какие приметы и вообще все в высшей степени подробно. Затем пошла по косо́й тропинке, заторопилась и побежала.

В начале ночи она и в самом деле пришла в кабинет Цзуна, и вот полил, так сказать, изнемогающий дождь из набухших туч в их самой полной любовной близости. Прошли месяцы, а все было втайне и никто ни о чем не знал.

Раз зашел и остановился в сельском храме какой-то иностранец, буддийский монах. Он поглядел на Цзуна и испугался.

— В вас сидит нечистый дух, — сказал он. — Что с вами сделалось?

Цзун отвечал, что ничего не произошло, но через несколько дней вдруг приуныл и захворал. А дева приходила каждый вечер и приносила ему чудесные фрукты, лаская его, заботясь усердно и сердечно, —

совершенно как жена, любящая своего мужа. Однако, улегшись в постель, она сейчас же требовала, чтобы он, хотя бы и через силу, с ней соединился, а Цзун, совсем больной, совершенно не был в состоянии это выдержать. Он понимал уже, что она не человек, но не мог ничего придумать, чтобы отвязаться от нее и прогнать.

— На днях мне говорил монах, — сказал он ей, — что меня мутит злое наваждение. Вот я и захворал; его слова, значит, оправдались. Завтра пойду уломаю его, чтобы пришел ко мне, и буду просить сделать заговор и написать талисман.

Дева при этих словах сделала кислую гримасу и изменилась в лице, после чего Цзун еще сильнее стал подозревать в ней нечистую силу.

На следующий день отправил человека к монаху и рассказал ему, как обстоят дела.

— Это лисица, — сказал монах, — чары которой, однако, еще не сильны, и ее легко будет засадить в капкан.

Сказав это, написал две полосы талисманских фигур и передал их человеку Цзуна, дав при этом следующее наставление:

— Ты приедешь домой, возьмешь чистый жбан изпод вина и поставишь его перед постелью больного. Затем тут же налепи один талисман вокруг отверстия жбана и жди, пока лисица туда не влезет. Тогда быстро накрой тазом и на него налепи второй талисман. Затем поставь в котел и кипяти: лисица сдохнет.

Человек пришел домой и поступил, как велел монах. Была уже глубокая ночь, когда пришла дева. Она достала из рукава золотистых апельсинов и только что хотела лечь в постель и спросить, хорошо ли больной себя чувствует, как вдруг послышался вой вихря в жбанном горле, и дева была туда втянута. Слу-

га быстро вскочил, покрыл жбан, наклеил талисман и уже хотел ставить варить, как Цзун, увидев рассыпавшиеся по всему полу золотистые апельсины и вспомнив всю ее любовь и милое отношение к нему, в порыве сильного чувства и горького отчаяния, велел отпустить ее, содрал талисманы и сбросил крышку. Дева вышла из жбана, шатаясь и в крайнем изнеможении, поклонилась ему до земли и сказала:

— Мое великое *дао* уже готово было завершиться, как вдруг в один день я чуть было не превратилась в пепел. Ты милосердный человек. Клянусь, я непременно отблагодарю тебя!

И ушла. Через несколько дней Цзун еще более ослабел, и слуга побежал в лавку покупать доски для гроба. По дороге он встретил какую-то деву.

— Ты не слуга ли Цзун Сян-жо? — спросила она.

— Да, — отвечал тот.

— Господин Цзун — мой двоюродный брат. Я узнала, что он очень болен, и собралась уже идти навеситить его, но как раз тут подоспели разные дела, и мне не удалось пойти. Будь добр, потрудись передать ему этот пакетик с лекарством, которое прямо-таки творит чудеса.

Слуга взял, принес домой. Цзун стал вспоминать, но никакой двоюродной сестры вспомнить не мог и понял, что это и есть ответная благодарность лисицы, о которой она говорила. Принял принесенное лекарство, и оно в самом деле сильно помогло, так что в какие-нибудь десять дней он совершенно поправился и почувствовал в душе к своей лисе благодарность и умиление, стал молиться ей, обращаясь в пространство и выражая свое желание увидеть ее раз или два.

Однажды ночью он запер двери, сидел и одиноко пил. Вдруг слышит: кто-то легонько стучит пальцем в окно. Отодвинул щеколду, вышел посмотреть —

оказывается, дева-лиса. Обрадовался страшно, схватил ее за руки и стал выражать свою благодарность. Пригласил ее остаться и вместе с ним пить.

— С тех пор как мы расстались, — говорила дева, — сердце у меня так и горело беспокойством: мне все казалось, что мне нечем отблагодарить тебя за твою высокую и добрую душу. А теперь я нашла тебе чудесную подругу. Может быть, этим мне и удастся вполне погасить свой долг. Как ты думаешь?

— Кто же это? — осведомился Цзун.

— Это не из твоих знакомых, — отвечала дева. — Завтра с раннего утра отправляйся к южному озеру, и как только увидишь девушку, рвущую водяные каштаны и одетую в прозрачную креповую накидку, то сейчас же нагоняй ее на лодке. Если потеряешь ее следы, то посмотри у запруды: там увидишь лотос с коротким стеблем, укрывшийся под листком. Сейчас же сорви и поезжай домой. Возьми свечку и подпали стебелек — и получишь красавицу-жену, а вместе с ней и продление своей жизни.

Цзун с вниманием все это выслушал и воспринял. Вслед за тем дева стала прощаться. Цзун упорно удерживал ее и тащил к себе, но она не хотела и говорила:

— С тех пор как со мной приключилась та, помнишь, беда, я вдруг прозрела и поняла великое *дао*. Неужели же я стану теперь из-за любви под одеялом навлекать на себя злобу и ненависть человека?

Сказала это с серьезным, строгим видом, простилась и ушла.

Цзун поступил, как она ему указала. Пришел к южному озеру. Видит: среди лотосов толпами колышутся красивые женщины, а между ними девушка с челкой, одетая в креповую накидку, — красавица, на земле не встречаемая. Быстро погнал он лодку и стал уже вплотную настигать, как вдруг потерял всякий ее след. Сейчас же раздвинул гущу лотосов

и в самом деле нашел красный цветок, у которого стебель был не выше фута. Сорвал и принес домой, где поставил на столе, а рядом с ним огарок свечи. Только что хотел поджечь, оглянулся — цветок уже стал красавицей. Цзун в крайнем изумлении и радости пал ниц и поклонился.

— Ты глупый студент, — говорила девушка. — Я ведь оборотень лисы и буду твоим мучением!

Но Цзун не хотел и слушать.

— Кто тебя научил? — допытывалась лиса.

— Я сам, — отвечал тот, — твой ничтожный студент сам сумел тебя узнать, милая. К чему было бы меня учить?

Схватил ее за руку и потащил... И вдруг она упала вслед за движением его руки, упала и превратилась в причудливый камень, высотой приблизительно с фут, весь фигурный, резной, с какой стороны ни взгляни. Цзун взял его, положил с почетом и вниманием на стол, возжег курения, поклонился ему и раз и другой, произнося молитвы. Наступила ночь. Он запер все двери, заложил все отверстия — все боялся, что камень уйдет. Утром стал его рассматривать — глядь: опять уж не камень, а креповая накидка, от которой как-то издали доносился запах духов. Раскрыл накидку и видит, что на воротничке и на груди еще сохранились следы тела. Цзун накрыл накидку одеялом, обнял ее и лег с ней. Вечером он встал, чтобы зажечь свечу; когда же вернулся в постель — на подушке уже лежала девушка с челкой. В безмерной радости, боясь, что она снова изменит свой образ, он сначала умолял ее сжалиться и тогда только приник к ней.

— Что за несчастье! — смеялась девушка. — Кто это, в самом деле, дал волю своему языку и наболтал этому сумасшедшему, который насмерть измолот меня...

СОДЕРЖАНИЕ

Лиса наказывает за блуд	5
Лисица в Фэньчжоу	7
Как он хватал лису и стрелял в черта	9
Фея лотоса	12
Военный кандидат	20
Мужик	26
Студент Го и его учитель	29
Оживший Ван Лань	33
Тот, кто заведует образованием	38
Плотник Фэн	40
Студент-пьяница Цинь	42
Дождь монет	44
Пара фонарей	47
Студент Лэн	50
Расписная стена	52
Как он сажил грушу	57
Даос с гор Лао	60
Душа чанцинского <i>хэшана</i>	66
Превращения святого Чэна	70
Даос Цзюй Яо-жу	82
Остров Блаженных Людей	83
Талисман игрока	101
Девушка из Чанчжи	106
Врачебное искусство Чжана	110
Воскресший Чжур	113

Даос угощает	123
Тонкий обман	128
Сян Гао в тигре	134
Злая жена Цзян-чэн	138
Волшебник Гун	154
Колдовство <i>хэшана</i>	165
В погоне за бессмертной Цин-э	168
Монахи-иноземцы	182
Бай Цю-лянь любила стихи	184
Нищий <i>хэшан</i>	197
Пока варилась каша (<i>Продолжение старой истории</i>)	199
Чары и феи Бай Юй-юя	214
Фокусы даоса Даня	227
Студент Чжун и осел	230
Змеиный питомник	240
Сумасшедший даос	242
Хуань-нян у цитры	244
Жизнь Ло Цзу	254
Министр литературного просвещения	257
Апельсиновое дерево	271
Винный червяк	273
Грызет камни	275
Речь птиц	276
Укрощение Цуй Мэна	279
Как он выгнал привидение	293
Лотосы <i>фужуны</i> в месяц стужи	297
Студент Сунь и его жена	302
Разрисованная кожа	307
Мертвый <i>хэшан</i>	315
Исцеление Ян Да-хуна	317
Друг монахов студент Ли	320
Бесовка Сяо-се	322
Примечания. В. Алексеев	337